

нического элемента, как мужчин, так и женщин, и определить всех трудоспособных из них на работу в совхозах, лесоразработках, разработках карьеров и т. д., организовав из них специальные команды под особым наблюдением... Только тогда, когда районные товарищи твердой рукой власти наряду с широкой массовой работой наведут железный порядок в районном центре, в сельсоветах и колхозах, заставят всех работать и прекратят бродяжничество, мы сможем не на словах, а на деле значительно повысить трудовую дисциплину и включить всех колхозников в работу по проведению весеннего сева». И подпись: «Секретарь ЦК КП(б)У С. Косиор».

Вот так: «железный порядок» прежде всего и ни слова о хлебе.

А вот еще один документ — совершенно секретное постановление Политбюро ЦК Компартии Украины от 5 июня 1933 года «О средствах борьбы с детской беспризорностью». Хотя по заглавию можно предположить сердечную заботу о детях и даже расчувствоваться, из текста читатель поймет, почему эти средства были совершенно секретными. Постановление констатирует, что «в последнее время усилился приток из сел беспризорных детей в города», но вместо того чтобы указать действительную причину этого — страшный голод, организованный сталинской клячкой, — документ с маниакальной навязчивостью утверждает о том, что «кулачество и прочие контрреволюционные элементы развернули усиленную агитацию за посылку детей деревней в города, преследуя этим определенные контрреволюционные политические цели». Эти цели, видимо, услышаны в последнем дыхании умирающих отца или матери, провожавших опухших от голода детишек в город с хоть какой-то надеждой на спасение. Местным органам власти дается нагоняй за то, что они «не только не оказывают никакого сопротивления этой кулацкой агитации в селах, но своей деятельностью ей потворствуют». Постановление предусмотрело средства «для полной приостановки притока детей из сел в города», направленные, заметим, не на спасение голодающих детей, а на то, чтобы они не мозолили глаза городскому начальству. Крайним цинизмом продиктован тот пункт постановления, которым облизполкомы обязывались «организовать в селах сбор с колхозников и единоличников молока, яиц, мяса для питания детей». И снова та же подпись.

«Он так любил детей», — замечает о Косиоре Погребинский. Впрочем, известно, что другие тогдашние вожди тоже испытывали необыкновенную любовь к детям...

Вослед указаниям Сталина Косиор изрек свое знаменитое предостережение: «Кулаки хотят задушить советское правительство костлявой рукой голода, мы перебросим костлявую руку голода на горло кулаку». И перебросили. Почему-то в сборнике нет воспоминаний ни тех, кто организовывал изъятие крестьянского хлеба, ни тех, кто переживал голод. А они непременно должны там быть.

Арсен Зинченко,
кандидат исторических наук.

Винница.

*

Н. А. БЕРДЯЕВ. Эрос и личность. Философия пола и любви. М. «Прометей». 1989. 158 стр.

Отличие современности от средневековья особенно наглядно видно в отношении двух эпох к смерти и эросу. Средневековье глубоко разработало тему смерти, обходя молчанием огромную часть темы эротической. Новое время, наоборот, усиленно разрабатывая залежные эротические вопросы, по мере сил изгоняло проблему смерти из мировосприятия, быта, культуры, публичности. Не случайно иной современный человек отчуждается от христианства как от мрачной средневековой религии, не отвечающей именно на вопросы пола или отвечающей разрушительным для этих вопросов — а значит, и для задающей их личности — образом. Также не случайно, что возвращение к христианству чаще и легче всего начинается с воскресения в сознании вопроса смерти, на который секуляризованная культура ответа не знает и не желает знать. Смерть — козырь христианства, секс — атеизма.

Русская религиозная мысль, начиная с Вл. Соловьева, приняла вызов атеизма и охватила проблему эроса во всей полноте. Говоря упрощенно, Соловьев дал тезис для решения проблемы, В. В. Розанов — анти-тезис; синтез осуществил Бердяев. Первой книгой бесстрашного философа, изданной в России после семидесятилетнего перерыва, и стала небольшая, но очень представительная хрестоматия его работ по этому вопросу (включившая целиком три статьи и отрывки из книг), выпущенная издательством МГПИ имени В. И. Ленина. К сожалению, издание омрачено обилием опечаток, в том числе искажающих подчас смысл, а списка их нет. Учитывая уровень современной русской культуры, необходимо было дать и переводы иноязычных цитат.

Новорожденное издательство «Прометей» выбрало тему по соображениям, казалось бы, конъюнктурным, но это здоровая конъюнктура. Раскрепощение общества возвращает личности интерес не только к своему духу, но и к своему телу, причем духом интересуются одни, а телом совсем другие — и обе стороны хмыкают друг на друга. Бердяев дает возможность примирения. Он возвращает человеку целостность. Краткий и сверкающий диалектикой анализ истории проблемы у него является не основой, а следствием глубоко личного переживания любви как высшей и подлинно всеохватывающей реальности. Бердяев обнаруживает иррациональность и противоречивость любви на богословском и философском, на физиологическом и психологическом уровнях. Читатель вместе с ним погружается в эту противоречивость и иррациональность, но на дне их — тоже вместе с Бердяевым и благодаря ему — обнаруживает возможность любви как свободной и творческой сущности человека. Главное противоречие — любовь (в том числе брак) не может развернуться до конца и совершенно в этом мире, но лишь благодаря ее развертыванию мир существует, существует человек. Насколько человек лю-

бит, настолько он связан с Богом — первоисточником любви.

Ответ Бердяева на вызов атеизма стал вызовом атеизму. Обезбоженная культура сегодня, как и в начале века, усердно обкатывает эротику, но при этом не физиология окультуривается, а культура делается плотской, раскультуривается.

Мысль Бердяева, озадачивая, не исцеляет. Дело в том, что философу приходилось — а мысли его и ныне приходится — быть бесстрашным не столько по отношению к чужим, сколько к своим. Религиозная мысль личности опережает религиозную жизнь общества. Философия Бердяева (и не только его) — это вызов и церковному народу; лишь когда (и если) члены Церкви ответят этой мысли, переварят ее, спор веры и неверия приобретет не умозрачительный, а живой характер.

Яков Кротов.

*

Г. И. КАТЬШЕВ, В. Р. МИХЕЕВ. **Авиаконструктор Игорь Иванович Сикорский. 1889—1972.** М. «Наука». 1989. 176 стр.

Среди первой, послереволюционной волны русской эмиграции немалую долю составляли ученые, инженеры, изобретатели. Кто-то из них не смог укорениться на чуждой почве, приспособиться к непривычным условиям, но есть и такие, кто стал звездой первой величины, гордостью мировой науки и техники. К сожалению, у нас в стране их работы почти не публиковались, а имена были известны лишь узкому кругу специалистов. Примеры? Степан Прокофьевич Тимошенко, крупнейший механик, один из основоположников теории упругости и сопротивления материалов; Владимир Кузьмич Зворыкин, изобретатель иконоскопа (первой передающей телевизионной трубки) и множества прочих электронных приборов; Георгий Антонович Гамов, выдающийся физик и астрофизик, создатель теории альфа-распада, автор гипотезы «горячей Вселенной»...

В эту плеяду входит и замечательный авиаконструктор Игорь Иванович Сикорский. Столетие со дня его рождения отмечено у нас выходом в свет книги, посвященной его жизни и творчеству.

Сикорский был истинным новатором, с его творчеством нерасторжимо связаны понятия «первый», «впервые». В России — это первый вертолет, первые русские самолеты, доказавшие превосходство над иностранными марками и принятые на вооружение в русской армии, первый русский гидросамолет... На заре авиации, когда главным условием жизнеспособности аэроплана считалась его легкость, Сикорский наперекор мнению признанных мировых авторитетов отстаивал и на практике доказал целесообразность строительства тяжелых многомоторных самолетов. Созданный им, двадцатичетырехлетним главным конструктором авиационного отдела одного из петербургских заводов, четырехмоторный гигант «Русский витязь» ошеломил современников своими размерами, грузоподъемностью и прочими характеристиками. Следом в 1913 году появил-

ся «Илья Муромец», на котором был осуществлен невероятный по тому времени перелет Петербург — Киев — Петербург. Примечательно, что Сикорский — не только талантливый конструктор, но и превосходный летчик — сам испытывал свои детища, участвовал в сложных полетах, достигал на них рекордных показателей.

«Благодаря Сикорскому и его единомышленникам, — пишут авторы книги, — русская армия в начале первой мировой войны была единственной, обладавшей тяжелым бомбардировщиком и дальним разведчиком... в России впервые в мире налажено крупносерийное поточное производство тяжелых многомоторных самолетов, сформировано первое в мире войсковое соединение — эскадра тяжелых воздушных кораблей «Илья Муромец», разработана тактика его боевого применения».

После Октябрьской революции Сикорский, оставшись не у дел (завод встал, производство самолетов прекратилось), вынужден был эмигрировать во Францию, а затем в Соединенные Штаты. Нелегко сложилась там его судьба. Конструктор, единственным капиталом которого был талант, сколотил группу энтузиастов, преимущественно из русских эмигрантов, и организовал компанию по разработке и изготовлению тяжелых самолетов. Производственной базой стала ферма одного из друзей Сикорского. Как-то в особенно тяжелый момент неожиданно пришла помощь от Сергея Рахманинова, который приобрел акции компании на пять тысяч долларов и тем спас ее от краха. Группа Сикорского вступила в единоборство с солидными конкурентами — знаменитыми авиастроительными фирмами. И выдержала борьбу.

В сентябре 1924 года Сикорский поднял в небо первый многоместный самолет, выпущенный его предприятием и сразу же получивший признание транспортных авиакомпаний. С этого момента началось триумфальное завоевание мировых воздушных просторов самолетами Сикорского. 17 апреля 1935 года его летающая лодка, названная «Пан Америкен Клипер», совершила беспосадочный перелет Сан-Франциско — Гонолулу, а вскоре начались регулярные рейсы на самой протяженной трансокеанской линии Сан-Франциско — Новая Зеландия. Самолеты Сикорского установили десятки мировых рекордов.

В конце 30-х годов Сикорский неожиданно для многих переключается на разработку вертолетов, и в 1939 году, через три десятилетия после сооружения им первого вертолета в России, поднимает в воздух свой первый винтокрылый аппарат, рожденный в Америке. От модели к модели совершенствовалась конструкция вертолетов Сикорского. Многие из них справедливо считались лучшими в мире...

Возвращаются на родину имена. Имена писателей, художников, музыкантов, мыслителей, волею судьбы оказавшихся на чужбине. В их ряду, без сомнения, должны быть и талантливые русские инженеры, одно упоминание с которых еще недавно расценивалось как идеологическая диверсия.

И. Зорич.